

ГАЛИНА
Колоскова

ИЗМЕНА

Ю

ПОЖАЛЕЕШЬ,
ЛЮБИМЫЙ!

Галина Колоскова

Измена.Ты пожалеешь, любимый

<https://litres.ru/74366487>

SelfPub; 2026

Аннотация

Открывшаяся картина намертво впечатывается в сетчатку.

Оксана сидит на корточках у кресла моего мужа. Светловолосая голова лежит у него на коленях. Голубые глаза глядят снизу вверх с обожанием. Максим гладит по волосам моей младшей сестры. На властном лице — нежность, гордость, собственничество.

По столу разбросаны глянцевые журналы с её фотографиями, постеры, визитки. Они строят будущее. Её или совместное? За моей спиной.

Оксана первая замечает меня. В её глазах мелькает — испуг? Стыд? Но длится это долю секунды. Она тут же берёт себя в руки, и на смену приходит наглая, вызывающая улыбка.

— Ой!.. — тонкий голосок режет воздух. — София. А мы тебя не ждали.

Максим медленно поворачивает голову. Его лицо не меняется вообще. Ни удивления, ни злости, ни смущения. Ноль. Будто я застала его за чтением отчёта, а не с моей сестрой.

— София, — кивает он. — Ты что здесь делаешь?

Содержание

Пролог	5
Глава 1	8
Глава 2	15
Глава 3	21
Глава 4	27
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Галина Колоскова

Измена.Ты пожалеешь, любимый

Пролог

Я стою перед зеркалом и не узнаю себя.

Восемнадцатый этаж. За окном Москва в предзакатном золоте. Внизу никогда не затихает чужая жизнь, а моя замерла на месте.

В отражении чужая женщина. Пальцем по стеклу обвожу контур лица. Оно мне не нравится. Максим говорит, что у меня неправильный овал, что скулы слишком мягкие, что возраст уже даёт о себе знать. Двадцать восемь лет, жена успешного мужчины, платья из последних коллекций, бриллианты, которые выбираю не я. Потому что «у тебя нет вкуса, дорогая». Ему тридцать девять, и он считает себя вправе оценивать. Я улыбаюсь, когда надо улыбаться. Молчу, когда надо молчать. Я давно забыла, каково это — хотеть чего-то для себя.

Вчера за ужином Максим бросил, глядя в телефон:

— Посмотри на Оксану. У неё кожа сияет. А ты со своей натуральностью носишься. Время работает против тебя.

Оксана. Моя младшая сестра. Двадцать один год. Модель. Последние месяцы она ужинает с нами каждый вечер. Максим помогает ей с карьерой. Я молчу. Пять лет брака приучили: его слово — закон.

В руке конверт. Снимок УЗИ. Восемь недель. Маленькая точка, которая уже бьётся. Я хотела сделать сюрприз. Приехать в его офис в Москва-Сити, положить снимок на стол. Увидеть в его глазах что-то настоящее. Впервые за пять лет.

Но я стою здесь и не могу выйти.

Что-то не так. Воздух спёртый. В груди давит, будто невидимая рука сжимает сердце. Вчера он вернулся поздно. От него пахло чужими духами — слишком терпкими.

— Ты следить за мной решила? — спросил он, окидывая меня взглядом, каким смотрят на надоевшую мебель.

Я извинилась. Я всегда извиняюсь. Даже когда права.

— Дура, — говорю отражению.

Глаза в зеркале чужие. В них нет злости, нет обиды. Только покорность женщины, слишком долго сидящей в клетке.

Телефон вибрирует. Максим: *«Будь готова к семи. Ужин с инвесторами»*.

И вдруг — злость. Маленькая, острая, настоящая. Злиться на Максима нельзя. Он наказывает молчанием, которое длится неделями. Я задыхалась в этом молчании. Я научилась не злиться.

Но сегодня что-то сломалось.

Конверт с УЗИ ложится в сумку. Сегодня я скажу. Потому

что, если не сейчас — не скажу никогда. Снова промолчу, сглотну, отступлю.

— Хватит, — шепчу себе. — Хватит, София!

Наша квартира — сто сорок квадратов его вкуса. Здесь нет ни одной моей картины, хотя я искусствовед. Ни одной моей книги. Только его правила.

Смотрю на своё отражение в тёмном стекле окна. Красивая женщина в дорогом платье. Идеальная осанка. Мёртвые глаза.

— Сегодня, — говорю я этому призраку. — Я скажу ему сегодня.

Я ещё не знаю, что через несколько часов моя жизнь разделится на «до» и «после».

Я ещё не знаю, что сегодня увижу свою сестру на коленях перед моим мужем.

Что он назовёт меня уродиной, вышвырнет на улицу с чемоданом и даже не спросит, зачем я пришла.

Что я буду стоять на набережной Москва-Сити и смотреть в тёмную воду, думая, что падать дальше некуда.

Я ещё не знаю, что в этой же воде отражаются огни башни, где он сейчас празднует победу.

Но что-то внутри уже готовится. Уже затачивает когти.

Ветер бьётся в стекло. Я делаю вдох. Выдох.

— Ты пожалеешь, любимый.

Пора.

Глава 1

София

Как всегда просыпаюсь раньше будильника. Максим ещё спит, разметавшись на своей половине кровати. У него чуткий сон, но не тогда, когда речь обо мне. Я могу встать, уйти, вернуться — он не заметит. Иногда мне кажется, что в этой спальне я существую только в его снах.

Беру телефон. На экране высвечивается напоминание, выставленное неделю назад: *«УЗИ. 10:00. Никому не говорить»*. Пальцы на мгновение замирают над экраном. Улыбка расползается по губам. Я всё ещё не верю до конца. Восемь недель. Восемь недель я ношу в себе эту тайну, как самую редкостную драгоценность.

Максим ворочается, тянет руку в мою сторону. Я замираю. Но он меняет позу и снова проваливается в сон. Выдыхаю.

Встаю, накидываю халат, иду на кухню — произведение искусства из итальянского мрамора и немецкой стали. Я здесь почти не готовлю. Мы редко ужинаем дома. Для этого есть рестораны, доставка, иногда приходит повар, если Максим хочет удивить гостей. Но сегодня мне хочется просто кофе. Сварить самой. Руками, почувствовать тепло чашки. Засыпаю в турку размолотый кофе и заливаю водой. Помешиваю ложкой и краем глаза смотрю в окно. Наш рай-

он просыпается медленно, по-московски поздно. Где-то внизу уже сигналият машины, спешат курьеры, бегут собачники. А здесь, на восемнадцатом этаже, тихо. Вакуум. Красивая клетка.

— Мне тоже кофе сварить.

Голос Максима за спиной заставляет вздрогнуть. Я не слышала, как он проснулся. Муж стоит в проёме — высокий, идеальный, уже в рубашке, заправленной в брюки. Волосы влажные после душа. Лицо свежее, но глаза холодные. У него всегда холодные глаза, даже когда улыбается.

— Конечно, — отвечаю я. — Садись.

Он садится за стол, берёт телефон, пролистывает ленту. На минуту отставляю доведённый до кипения напиток. Даю постоять и снова довожу до кипения. Комнату заполняет густой бодрящий аромат. Я ставлю перед ним чашку. Он даже не смотрит.

— Вечером ужин с инвесторами. Ты помнишь?

Согласно киваю:

— Помню.

— Платье надень то, тёмно-синее. И волосы собери. В прошлый раз ты выглядела как-то... распушенно.

— Хорошо.

Говорю спокойно, ровно, как научилась за пять лет. В ответ. Слово на слово, улыбка на улыбку, и ни одной лишней эмоции. Максим допивает кофе, целует меня в щеку (сухие губы, привычный жест) и уходит. Дверь щёлкает замком.

Я остаюсь одна. Можно смеяться, улыбаться свободно.

В голове — только одно: сегодня я узнаю точно. Сегодня я стану той, кто носит под сердцем его ребёнка. Мамочкой.

— Ну что, София?.. — говорю я вслух пустой кухне. — Дожилаесь? Боишься сказать мужу, что беременна!

Голос звучит слишком громко для стерильной тишины комнат.

В десять я уже в клинике. Современный центр на Пресне, белые стены, вежливые администраторы, никаких очередей. Максим тоже выбрал бы этот центр, если бы знал. Он вообще любит, чтобы всё было дорого, статусно, правильно. Но он не знает. В первый раз за пять лет у меня есть от него тайна.

Врач — молодая женщина с приветливым взглядом — водит датчиком по животу. На экране — серо-белая рябь, а потом вдруг чёткий силуэт. Маленький, размером с фасолинку, с бьющимся сердцем.

— Слышите? — спрашивает врач.

Я слышу. Быстрое-быстрое, как стук колёс поезда. *Тук-тук-тук-тук*. Сердце моего ребёнка.

Я плачу. Молча, беззвучно. Слёзы текут по щекам, и я даже не пытаюсь их вытереть.

— С вами всё в порядке? — врач смотрит с лёгкой тревогой.

— Да, — шепчу дрожащими от волнения губами. — Всё хорошо. Всё... идеально.

Она даёт мне снимок. Маленький, чёрно-белый, с размы-

тым силуэтом. Я прячу его в конверт, а конверт — во внутренний карман сумки. Прижимаю её к сердцу.

Из клиники еду в галерею. У меня там встреча с Верой — художницей, подругой, единственным человеком в Москве, с которым могу быть собой. Мы знакомы ещё с института, с тех времён, когда я сама мечтала писать, а не просто смотреть на чужие картины.

Галерея находится в старом особнячке на Пречистенке. Маленькая, камерная, пахнет деревом и маслом. Вера, невысокая, темноволосая, встречает меня в холле. Увидев радостное лицо со следами слёз, сразу хмурится.

— Ты чего светишься? — спрашивает, вскинув бровь. — Что случилось?

— Вера, — делюсь счастливым шёпотом. — Я беременна.

Она замирает на секунду, и бросается меня обнимать. Дешёвые, резковатые духи быют в ноздри, но это запах свободы. Аромат человека, не обязанного никому нравиться.

— Боже, София! А Максим знает?

Короткий вопрос заставляет на удар замереть сердце. Отвечаю, растягивая губы в фальшивой улыбке:

— Пока нет. Сегодня скажу. Хочу сделать сюрприз, понимаешь? — убеждаю скорее себя. — Приеду к нему в офис, положу снимок на стол...

Вера отстраняется, смотрит внимательно.

— Ты уверена, что он обрадуется?

Вопрос повисает в воздухе. Я смотрю на подругу в боль-

ших глазах не зависть — тревога.

— Он хотел детей, — произношу не очень уверенно. — Мы разговаривали об этом в самом начале.

Я могу сочинять сказки, врать, фантазировать, но Вера на жизнь смотрит реально. Её слова становятся пыткой:

— Он сказал, что хочет наследника? — Она кривится, не получив ответа и продолжает: — А о том, как ты будешь выглядеть с животом, ничего не говорил? О том, что роды портят фигуру? О том, что дети — это шум, грязь, проблемы?

— Вера, перестань.

Она вздыхает, берёт меня за руку.

— Прости. Я просто волнуюсь за тебя. Ты знаешь, как я к нему отношусь. Даже не к Максиму, а к вашим отношениям. Ты в них растворяешься, Софа. Ты исчезаешь.

— Я не исчезаю, — но голос звучит неубедительно. — Я... стараюсь быть хорошей женой.

— Для кого хорошей? Для него или для себя?

Я молчу. Вера качает головой, но тему закрывает. Мы идём смотреть новые работы — абстракции, яркие, кричащие, полные жизни. Рассматриваю их и чувствую, как внутри отзывается не то, что должно. Тоска. По той жизни, что не прожила. По девушке, когда-то стоявшей у мольберта и не боявшейся испачкаться в краске.

— Знаешь, — делюсь с Верой мыслями, — иногда мне кажется, что я изменила себе. Что София, мечтающая о собственных выставках, осталась в прошлом, а здесь, сейчас, на-

бор правил. Идеальная жена. Изумительный аксессуар. И самое страшное, что я не только позволила сделать из себя ходячую идеальность, но и свыклась с этим статусом.

Вера смотрит на меня долго, с долей сочувствия, потом говорит:

— Может, ребёнок — твой шанс? Напомнить себе, кто ты на самом деле? Ему уже ничего не докажешь. Максим изначально выбирал жену такого склада.

— Может быть, — шепчу, приложив руки к плоскому животу.

Мы прощаемся. Окидываю на прощание взглядом потерянную мечту. Руки трясутся, ноги дрожат. Выхожу на Пречистенку, сажусь в такси, называю адрес. Москва-Сити.

Дорога привычная. Пробки, светофоры, бесконечные ряды машин. Смотрю в окно и думаю, как изменился город за последние годы. Как вырос, как вытянулся вверх, как стал чужим и прекрасным одновременно. Мы с Максимом поженились, когда башни уже стояли, но не были такими сверкающими. Теперь это символ успеха. Символ людей, которые могут позволить себе жить над городом, глядя на всех свысока.

Машина подъезжает к комплексу. Я расплачиваюсь, выхожу. В лицо бьёт ветер — здесь всегда ветрено, на этой искусственной земле среди стекла и бетона. Поднимаю голову. Башни уходят в небо, сливаются с облаками. Там, на пятидесяти шестом этаже, сидит мой муж и даже не подозревает, что

через несколько минут его жизнь изменится.

Внутри всё трепещет от предвкушения. Представляю его лицо, когда увидит снимок. Может, впервые посмотрит на меня по-настоящему. Не как на мебель, не как на функцию, а как на женщину, которая носит его ребёнка.

В лифте я одна. Стеклоанная кабина несётся вверх, и Москва подо мной становится игрушечной. Маленькие машинки, маленькие люди, маленькие проблемы. А внутри меня — целая вселенная.

Глава 2

София

Лифт поднимается слишком быстро.

Смотрю на цифры над дверями — 15, 24, 37, 48 — и чувствую, как внутри разрастается что-то такое... почти забытое. Волнение? Предвкушение?.. Конверт с УЗИ лежит во внутреннем кармане пальто, касается груди. Кажется, что он пульсирует в такт моему сердцу.

— Только бы обрадовался... — шепчу самой себе.

Зеркало в лифте отражает женщину в сером шёлковом платье, с идеальным макияжем и чуть влажными от волнения глазами. Поправляю волосы, хотя они лежат безупречно. Пять лет брака превратили меня в профессионала по части внешнего вида. Максим не прощает небрежности.

53, 54, 55.

Стоп.

Двери открываются, и я выхожу в коридор. Здесь пахнет успехом, деньгами — так пахнет только в башнях Москва-Сити. Дорогой парфюм, свежий воздух из вентиляции, аромат кофе из кофемашины в переговорной. Ковровое покрытие настолько мягкое, что шаги тонут в нём, словно идёшь по облакам.

Приёмная Максима встречает тишиной. Лена, его секретарь, за своим столом. Она поднимает голову, и уверенное

лицо накрывает тень. Буквально на секунду, но я успеваю заметить. Страх? Растерянность? Что-то нехорошее прячется за профессиональной улыбкой.

— София Романовна, — вскакивает. — Вы... вы не предупреждали о визите.

— Сюрприз!.. — улыбаюсь в тридцать два зуба. — Максим на месте?

— Он... да, но у него встреча.

— Я подожду.

Делаю шаг к двери, и Лена вылетает из-за стола, загораживая проход.

— София Романовна, давайте, я предупрежу, что вы здесь? Он просил не беспокоить.

Смотрю на неё внимательнее. Руки дрожат. Глаза бегают. Сердце пропускает удар.

— Лена, — стараюсь говорить спокойно. — Отойдите.

— Но...

— Я сказала, отойдите!

Голос звучит жёстко. Лена отшатывается, будто я её ударила. Прохожу мимо, берусь за ручку двери, делаю вдох и дёргаю на себя.

Открывшаяся картина намертво впечатывается в сетчатку.

Оксана сидит на корточках у кресла моего мужа. Светловолосая голова лежит у него на коленях. Голубые глаза глядят снизу вверх с обожанием. Максим гладит по волосам

моей младшей сестры. На властном лице — нежность, гордость, собственничество.

По столу разбросаны глянцевые журналы с её фотографиями, постеры, визитки. Они строят будущее. Её или совместное? За моей спиной.

Оксана первая замечает меня. В её глазах мелькает — испуг? Стыд? Но длится это долю секунды. Она тут же берёт себя в руки, и на смену приходит наглая, вызывающая улыбка.

— Ой!.. — тонкий голосок режет воздух. — София. А мы тебя не ждали.

Максим медленно поворачивает голову. Его лицо не меняется вообще. Ни удивления, ни злости, ни смущения. Ноль. Будто я застала его за чтением отчёта, а не с моей сестрой.

— София, — кивает он. — Ты что здесь делаешь?

Стою в дверях и не могу пошевелиться. Конверт в кармане становится тяжёлым, свинцовым. Рука тянется туда, но я заставляю её опуститься.

— Что... — голос срывается. Приходится прокашляться, чтобы продолжить. — Что здесь происходит?

Оксана медленно поднимается. Поправляет короткое платье, отряхивает колени. Смотрит на меня с вызовом. Красивая, стервозная, молодая.

— Обсуждаем моё будущее, — усмехается с вызовом. — Максим помогает мне с карьерой. По-настоящему помогает,

в отличие от некоторых.

— Карьерой? — переспрашиваю, ещё не придя в себя от увиденного. — На коленях?

Она смеётся. Звонко, нагло.

— София, не будь ханжой. Неужели ты думала, что Макс всегда будет тебе верен? Посмотри на себя.

Сжимаю кулаки до боли. Шиплю:

— Заткнись.

Она смотрит на меня с пренебрежением с высоты метра восьмидесяти роста.

— Что, правда глаза режет?

Максим поднимается. Подходит ближе, встаёт между нами. Глядит на меня, как на провинившуюся собачонку.

— Не надо истерик, София. Ты ведь умная женщина. Или я ошибаюсь?

Не могу совладать с ревностью. Бросаю взгляд исподлобья. Поступаю, по его мнению, не умно:

— Ты спишь с моей сестрой.

Он невозмутимо пожимает плечами.

— Я помогаю ей строить карьеру. А то, что ты застала — всего лишь маленькая благодарность за большое будущее.

Меня мутит. Буквально. Комок подкатывает к горлу, сжимаю челюсти, чтобы не вырвало прямо здесь. Цежу сквозь зубы

— Как давно?

— Какая разница?

— Как давно?! — голос срывается на крик.

Оксана подходит ближе, кладёт руку Максиму на грудь собственническим жестом. Смотрит на меня и улыбается.

— Два года, сестрёнка. Помнишь, когда ты болела пневмонией и лежала в больнице? Максим каждый вечер приезжал ко мне, делился переживаниями. Мы стали близки. Очень близки.

Нож в душу. Два года. Два года я жила во лжи. Два года считала себя счастливой, пока они смеялись у меня за спиной.

— Ты моя сестра, — шепчу, сдерживая слёзы. — Я тебя вырастила.

— Вот именно, — её голос становится жёстким. — Ты меня растила. Ты всегда была главной, правильной, идеальной. А я вечно в тени. Сестра талантливой Софии! Младшая сестра Софии! Непутёвая родственница Софии... Я устала быть твоей тенью! Хочу своей жизни. И Максим мне её даст!

Она смотрит на него с обожанием. Он гладит её по щеке. Я чужая на этом празднике жизни. Смотрю на них и чувствую, как внутри умирает что-то важное.

— Значит, всё это время...

— А ты думала, — перебивает Максим, — что за пять лет брака я ни разу, ни с кем?.. Ты серьёзно? Посмотри на себя, София! Ты превратилась в тень, мебель, приложение к моему статусу. Даже не пыталась быть интересной. Дома сидела, да в галереи ходила. Мне нужна женщина, а не музейный

смотритель!

Задыхаюсь от возмущения. Не он ли запрещал мне встречаться с подругами, заявляя, что после работы его должны встречать любящие глаза.

— Ты сам хотел, чтобы я сидела дома. Сам говорил, что работа жены — быть женой!

— Мало ли что я говорил. Ты должна была понимать, что это не навсегда. Должна была меняться, развиваться, следить за собой. А ты... — он окидывает меня взглядом, полным безразличия. — Ты с каждым годом дурнееешь. Кожа уже не та, фигура... И молчишь вечно. Это бесит больше всего.

Я и сейчас молчу. Потому, что он, как всегда, раздражён. Потому, что нечего сказать. Потому, что внутри пустота...

— И давно я стала такой уродливой? — спрашиваю тихо.

— Всегда была, — пожимает плечами Максим. — Я женился на тебе из жалости. Мне нужна была жена из мира искусств, для статуса. И ты согласилась. Думала, любовь? Нет, София. Удобство!

Глава 3

София

Каждое слово — пощёчина. Чувствую, как щёки горят, хотя он даже не прикоснулся ко мне.

— Из жалости? — переспрашиваю, не веря своим ушам.
— А как же слова любви, цветы, которыми ты меня задаривал? Тоже ложь?

— Ну, да. Ты после института: потерянная, без денег, без связей. В рот мне заглядывала. Я подумал: почему бы нет? Жена-искусствовед — престижно. А ты, дура, повелась... — кривит губы в циничной усмешке. — Только не говори, что я тобой воспользовался. Пять лет жила как сыр в масле.

Оксана смеётся надо мной, глядя в глаза.

— Бедная сестрёнка. Думала, что её любят. А тебя никто никогда не любил. Даже мать нас бросила, потому что ты была скучной. Я хотя бы похожа на неё, характер есть. А ты — пустое место.

Сжимаю кулаки. Ногти впиваются в ладони. Боль отрезвляет.

— Ты поэтому с ним? Из-за характера?

— Я с ним, потому что он даст мне всё. Контракты, связи, деньги. А ты — прошлое. Устаревшая модель. Пора на свалку.

Максим достаёт смартфон. Смотрит на меня равнодушно.

— Оксана права, хватит скрывать. Ты сейчас уйдёшь. Спокойно, без истерик. Я вызову охрану, они проводят тебя вниз. Потом привезут твои вещи.

— Мои вещи? — перед глазами содержимое гардеробной и надежда, что через пару часов Максим остынет и передумает.

— Твои-твои... Домой ты больше не вернёшься. Это моя квартира! Всё, что там есть — моё. Я разрешаю забрать только личные вещи. Одежду, косметику. Украшения, которые я дарил, оставишь, они дорогие, тебе ни к чему.

Каждое его слово всё злее, он добивает меня, лишая всяких надежд. В душе боль, мысли путаются. Не могу вспомнить список документов, что лежат в секретере, произношу первое, что приходит на ум:

— А паспорт?

— Паспорт тоже привезут. Не волнуйся, я не собираюсь делать из тебя нелегалку! — Машет рукой на дверь: — Ты свободна. Иди, живи свою скучную жизнь.

И набирает номер.

— Сергей, зайди. Отправь Андрея с Павлом ко мне. Пусть горничная соберёт чемодан для Софии, самое необходимое. И паспорт.

Смотрю на него и не верю в то, что происходит. Пять лет я была идеальной женой. Училась готовить его любимые блюда. Терпела его друзей, партнёров. Молчала, когда он кричал. Улыбалась, когда хотелось плакать. И вот итог.

— И ты даже не спросишь, зачем я пришла?

— Мне всё равно, — усмехается, показывая взглядом на дверь. — Хотела сделать сюрприз? Не надо. Иди.

Оксана смотрит на меня с любопытством.

— А что там? Подарок? Покажи.

Я молчу. Конверт жжёт грудь. УЗИ. Сердце, которое бьётся. Его ребёнок, которого он только что называл ненужным.

Огрызаюсь:

— Не твоё дело! — противно даже смотреть на предательницу.

— Ой, какие мы гордые, — смеётся она. — Ну-ну!.. Иди, строй из себя оскорблённую невинность. Только знаешь, что? Ты сама виновата! Надо было лучше стараться.

«Надо было...» — произношу про себя, хоть понимаю, что в любом случае моя семейная жизнь закончилась бы изгнанием нелюбимой жены.

Входит начальник охраны. Крупный, невозмутимый, в идеальном костюме.

— Сергей, — кивает Максим на меня, — проводи Софию Романовну в приёмную. Пусть подождёт там. И проследите, чтобы она никуда не ушла до приезда вещей.

— Хорошо.

Начбез берёт меня под локоть.

— Пойдёмте.

Я вырываю руку.

— Не прикасайся ко мне.

Он смотрит на Максима. Тот кивает.

— Ладно, иди сама. Но не вздумай убежать. Только хуже сделаешь.

Я поворачиваюсь к ним спиной. Иду к двери. Слышу голос Оксаны:

— Макс, ты обещал мне тот контракт с «Vogue»?

— Помню, малышка. Всё будет.

Они избавились от меня, как от назойливой мухи, за пятнадцать минут и живут дальше. Дверь закрывается. Я в приёмной. Лена отводит взгляд, делая вид, что очень занята бумагами.

Сажусь на диван. Кладу дрожащие ладони на колени, сжимаю в кулаки. Дышу. Глубоко, как учили на йоге. Даже туда меня записал Максим, чтобы я «выглядела спокойнее».

Я раздавлена. В голове пустота. Ни мыслей, ни чувств. Только гул.

Через полчаса приносят чемодан. Не большой, как надеялась, а бордовый, тот, что мы покупали в Милане под сувениры.

— Проверьте содержимое, — охранник, заискивающий ещё месяц назад, торопит, поглядывая на часы.

Открываю. Вещи набросаны кое-как. Джинсы, свитер, пара футболок, бельё. Косметичка. Паспорт сверху. Ни одного украшения, ни одного платья, ни одной пары туфель.

— Всё верно.

Закрываю чемодан. Беру ручку. Поднимаюсь.

— Идёмте.

В стеклянную кабину лифта входим молча. Цифры бегут вниз. 48, 37, 24, 15. Москва поднимается навстречу, игрушечная, чужая.

Выходим на улицу. Ветер бьёт в лицо. Холодный, пронизывающий до костей.

— Дальше сами, — охранник ставит чемодан на асфальт.

Я смотрю на башни. Солнце отражается в стёклах, и они горят, как факелы. Красиво. Дорого. Мёртво.

— Остаёшься здесь?

Голос охранника выводит из ступора. Меня уже и по имени отчеству не называют. В глазах парня презрение. Не сумела «постараться» и вылетела за ненадобностью хозяину. Отвечаю резко:

— Да!

— Ну и стой. Дело твоё.

Он уходит. Я остаюсь одна с чемоданом. Мимо проходят люди, спешат по делам. Никто не смотрит. Никому нет дела.

Беру чемодан и иду, не разбирая дороги. Вдоль набережной, мимо припаркованных машин, мимо стеклянных витрин, в которых отражается женщина с пустыми глазами.

Ноги гудят. Туфли на каблуках, не предназначенные для прогулок. Но я не останавливаюсь. Если перестану передвигать ноги — упаду.

Дохожу до парапета. И вдруг замираю. Смотрю на воду. Москва-река тёмная, холодная, равнодушная. Как его глаза.

В кармане всё ещё лежит конверт. Достая его. Смотрю на снимок. Маленький силуэт, размытый, почти нереальный. Сердце, которое бьётся.

— Прости, малыш, — шепчу я. — Прости, что у тебя такой отец.

Слёз нет. Только пустота и странное, липкое чувство, поднимающееся из глубины.

Ярость.

Холодная, абсолютная!.. Она заполняет пустоту, вытесняет боль, замораживает слёзы.

— Ничего, — говорю я ветру. — Ничего, Максим. Ты ещё вспомнишь меня! Ты ещё пожалеешь...

Глава 4

Лев

Я сижу в машине. Уже двадцать минут наблюдаю за ней из-за тонированных стёкол, как коллекционер наблюдает за редкой картиной на аукционе. Она стоит у парапета, маленькая, растерянная, с чемоданом у ног. Ветер треплет светлые волосы, задувает под пальто, но она не двигается, устремив взгляд в воду.

Я знаю о ней всё.

София Романовна Смирнова, двадцать восемь лет, искусствовед. Пять лет замужем за Максимом Игоревичем Смирновым, моим бывшим партнёром, а ныне — врагом. Детей нет, хотя сегодняшний визит в клинику говорит об обратном. Мне доложили: беременна, срок около восьми недель.

Я знаю всё.

Два года я ждал этого момента.

Два года я собирал информацию, выстраивал связи, дожидался, когда Максим совершит ошибку. Знал, что рано или поздно этот человек покажет своё истинное лицо. Такие, как он, не умеют долго притворяться. Слишком любят себя. Слишком уверены в собственной безнаказанности.

Она наконец отходит от парапета. Идёт вдоль набережной, тащит за собой чемодан. Спотыкается на ровном месте, но удерживает равновесие. Садится на скамейку. Смотрит на

башни.

В больших глазах — пустота. Я видел такой взгляд однажды, много лет назад, в зеркале собственной ванной комнаты. Тогда я тоже потерял всё...

Пора.

Выхожу из машины. Подхожу. Она не замечает, пока моя тень не падает на скамейку. Поднимает голову, смотрит испуганно, как затравленный зверёк.

— Вы кто?

Я молчу. Смотрю на неё, оценивая. Она красивая. Настоящей, неброской красотой, которую не купить в салоне и не сделать у пластического хирурга. Такая красота либо есть, либо нет. У неё есть.

Приказываю по привычке:

— Садитесь в машину.

Она вздрагивает от моего голоса. Слишком резкого, слишком холодного. Я знаю. Но по-другому не умею.

— Я вас не знаю.

— — Зато я знаю вас. София Романовна Смирнова. Жена человека, который должен мне больше, чем может отдать.

Её глаза расширяются. Испуг сменяется насторожённо-стью.

— Откуда вы знаете моё имя?

— Я много чего знаю. Например, что час назад ваш муж назвал вас уродиной и вышвырнул из офиса. Что ваша сестра сейчас пьёт шампанское в его кабинете. Что у вас в кармане

лежит снимок УЗИ, а на счетах — ни копейки.

Она бледнеет. Хватается за карман с конвертом. Смотрит на меня с ужасом.

— Кто вы?

— Человек, который может предложить вам выход.

Она молчит. Я вижу, как в её голове работает мысль: бежать или остаться? Довериться или послать?

— Падать дальше некуда, София, — утверждаю в полголоса. — Вы на дне. Я предлагаю возможность из неё выбраться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.